

Litera

Правильная ссылка на статью:

Воробьев Р.С. Проблема литературной репутации Н. П. Задорнова // Litera. 2025. № 12. С. 277-288. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.12.73351 EDN: QDEHFC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73351

Проблема литературной репутации Н. П. Задорнова

Воробьев Руслан Сергеевич

аспирант, Филологический факультет, Тверской государственный университет

141601, г. Клин, городской округ Клин, Московская обл., ул. Зарецкая, д. 5

✉ russparrowvorobiev@yandex.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.12.73351

EDN:

QDEHFC

Дата направления статьи в редакцию:

13-02-2025

Дата публикации:

05-01-2026

Аннотация: Николай Павлович Задорнов – один из немногих литературных «первопроходцев» Сибири и Дальнего Востока наряду с В. К. Арсеньевым, А. А. Фадеевым, Вс. Н. Ивановым, Д. Д. Нагишкиным и др. В связи с этим исследование литературной репутации образа Задорнова-писателя представляет особый интерес. Хронологическую рамку исследования составляет период с 1945 по 1992 год, с момента появления второго из известных нам критического отзыва на творчество Николая Павловича до самой смерти писателя. Предметом изучения выступает литературная репутация прозаика Н. П. Задорнова в главным образом советский период истории России. Объектом исследования являются литературно-критические статьи, рецензии и отзывы современников Н. П. Задорнова на его произведения. Анализ предмета осуществляется посредством системно-типологического метода. Несмотря на значительный вклад писателя в русскую литературу, до сих пор его репутационный портрет не был непредвзято отражён в печати и сети Интернет: вопросу репутации,

например, посвящены несколько абзацев в Википедии. Объективный и наиболее полный анализ литературной репутации Николая Павловича Задорнова обуславливает научную новизну исследования. Результатом проведённой работы является изображение объективного репутационного портрета писателя. Задорнову были подвластны как отображение особенностей быта, так и живописание природных красот, проработка как внешнего, так и внутреннего портрета того или иного героя, второстепенного или эпизодического персонажа, как следование конкретным историческим фактам, так и «живой», соответствующий эпохе и характерам вымысел, умение передавать диалекты... Задорнов отличался поразительной наблюдательностью. Выводы, представленные в статье, могут послужить основой для дальнейшего рассмотрения литературной репутации Задорнова в целом: посредством обращения к его литературно-художественным произведениям и литературно-критическим статьям и рецензиям, а также материалам к его биографии (полноценной биографии Н. П. Задорнова нет до сих пор).

Ключевые слова:

Николай Задорнов, литературная репутация, репутационный портрет, критика, психологический портрет, внешний портрет, исторический роман, достоверность, композиция, пейзаж

На современном этапе развития литературного процесса назрела необходимость постановки проблемы литературной репутации советского писателя Н. П. Задорнова, её исследования в связи, во-первых, полярности мнений насчёт произведений автора и, во-вторых, того факта, что в Википедии — интернет-энциклопедии, оказывающей огромное влияние на мнение, в частности, тех людей, которые только собираются познакомиться с его повестями и романами — отражена главным образом отрицательная оценка творчества Задорнова. В качестве материала для исследования репутации писателя будут использованы многие литературно-критические статьи, рецензии и отзывы его современников. Для проведения комплексного анализа внимание будет обращено как к отрицательным оценкам критиков, так и к положительным.

Наиболее часто, даже в довольно положительных статьях и рецензиях, современники фиксируют как существенный изъян недостаточное внимание Задорнова к раскрытию героев, низкую художественную убедительность их индивидуальных характеристик; это, в свою очередь, является следствием того, что в произведениях Николая Павловича «множество персонажей, призванных иллюстрировать какой-нибудь оттенок мысли или какое-нибудь незначительное событие. Так [...] появляются [...] люди-штрихи» [\[1, с. 3\]](#); «героев много; герой — сама история [...] [поэтому. — Р. В.] психологические характеристики персонажей не глубоки» [\[2, с. 2\]](#). А. Степанов насчитал в журнальном варианте романа «К океану» сто двадцать шесть героев на ста шестнадцати страницах. На «перенаселённость» персонажами указывают также И. Кондаков [\[3, с. 275\]](#) и И. Егоров [\[4, с. 2\]](#). По причине такого внушительного числа действующих лиц при новом появлении каждого из них автору приходится напоминать о его характерных чертах [\[1, с. 3\]](#). Как таковой персонаж не способен сам себя осознать — он носит лишь внешнее отличие или ряд таковых, не вбирая в себя черты своего социального класса или своей эпохи: например, в романе «К океану» Ла — старый, а Алексей Бердышов — краснолицый, что не способствует обрисовке внутреннего портрета данных персонажей. Такие навязчивые эпитеты, отмечает С. Ильичёва [\[5, с. 252\]](#), могут и вовсе не согласовываться с

психологическим портретом, представленным Задорновым на всей ткани произведения. Противоречиво описание боцмана Горшкова [5, с. 252], бледно изображён Бощняк [6, с. 182]. В связи с этим Б. Галанов подчёркивает необходимость достойной прорисовки характеров соратников Невельского, особенно рядовых матросов, которых тот «сознательно набирал [...] из русских моряков» [7, с. 24], гордился, что «в лице этих матросов — костромичей, новгородцев, тверяков — вошла в устье Амура коренная Россия» [8, с. 368]. Чаще же всего образы резко перестают развиваться, «повторяются в одном состоянии, затормаживая движение» [9, с. 6], или второстепенный персонаж появляется, совершаet какое-либо действие, но автор увлекается описанием других событий, и больше читатель с этим персонажем не встречается [10, с. 178].

Критики по-разному оценивают и образ Невельского, выведенный в тетралогии «Капитан Невельской». Так, С. Ильичёва отмечает, что во втором романе, «кроме нескольких строк, в которых Невельской предаётся воспоминаниям о своём детстве, и короткого официального сообщения адмирала» [5, с. 252], нет больше ни слова о прошлом Геннадия Ивановича — о всех тех годах, когда он, сам того не осознавая, готовился к Амурской экспедиции: с упоением читал и слушал описания путешествий русских мореплавателей, мечтал совершить своё — кругосветное, позднее изучал немногочисленные материалы о Дальнем Востоке... Всё это оказывается за пределами произведения. Внешний портрет капитана, как и некоторые иные портреты, противоречив.

В. Александров, ссылаясь на «Записки» Невельского, пишет о некоторой холодности образа капитан-лейтенанта в произведении: если в «Записках» ощутимо передана его тёплая забота о моряках, то у Задорнова она хотя и присутствует, но стачивается по причине использования слов, которые подчёркивают её второстепенную значимость — забота проявляется как бы между прочим [11, с. 187].

А. Степанов обнаруживает в романе «Капитан Невельской» безосновательное стремление автора погрузить читателя в интриги, в которые оказался втянут Геннадий Иванович, отрывая «положительных персонажей [...] от своей среды» [12, с. 3], в которой было немало единомышленников капитан-лейтенанта.

Г. Гор ставит вопрос о бедности изобразительно-выразительных средств языка при обрисовке внешнего и внутреннего портрета: разбирая роман «Далёкий край», он выделяет «некоторую сухость и очерковую беглость изображения» [6, с. 181], с удивлением задаваясь вопросом, почему автору менее всего удались страницы, непосредственно основанные на записках Невельского, которые лучше всего передают характер как самого капитан-лейтенанта, так и каждого из его сподвижников.

Положительные отклики на образ Невельского мы приведём позже.

При рассмотрении романа «Амур-батюшка» А. Степанов утверждает, что образ Бердышова «затеняет во второй книге» [13, с. 126] образ главного героя Кузнецова, а некоторые эпизодические персонажи (к примеру, телеграфист Вихлянцев) «слабо связаны с основной линией» [13, с. 126] произведения, отчего не запоминаются читателю. Более критично о героях романа пишет Л. Рублёв: «...показан медлительный караван унылых, "безропотных" переселенцев [...] Крестьяне [...] серы, безлики, скучны» [10, с. 180].

Вследствие недостаточной разработки психологических портретов как героев, так и

второстепенных персонажей их диалоги и внутренние монологи слабо индивидуализированы [7, с. 24; 14, с. 3], носят лишь информационный характер.

Второе из наиболее критикуемых несовершенств прозы Задорнова — композиционная «рыхлость».

А. Степанов отмечает, что второй книге «Амура-батюшки» присущи частые отступления [13, с. 126], которые вредят динамике, а «Капитану Невельскому» — многочисленные повторы: дублируются мысли персонажей, описания и целые сцены [12, с. 3]. Но главное: «автор описывает жизнь своего героя [Невельского. — Р. В.] почти день за днём, и произведение становится часто хроникой, в которой важное, решающее, характерное, типическое разжижается второстепенным материалом» [12, с. 3] — зачастую бытовое начинает доминировать над исторически значимым. В связи с этим упоминается ряд персонажей (Молчанов, Дорохова и др.), которые никакими ценными для художественной действительности качествами не наделены и замедляют развитие действия. Этую же функцию выполняют, по мнению И. Кудровой, «пространные описания, многочисленные исторические и биографические экскурсы» [15, с. 209–210], при этом она отмечает, что начало произведения развернуто довольно энергично.

Ю. Константинов рассматривает в этом же романе вопрос ненужной, ни на что не влияющей детализации. Он с недоумением подчёркивает, что читатель узнаёт, «какие грузы навьючены на коней, сколько получает повар генерал-губернатора, что окружает племянниц Варвары Григорьевны Зариной» [16, с. 229], «родословную и послужной список Врангелей» [16, с. 229] и т. д., утверждая, что такого рода детали не способны работать на общий замысел произведения, его идеально-смысловое содержание и «становятся частицами того зыбучего песка, в котором тонет повествование» [16, с. 229].

Л. Рублёв указывает в «Амуре-батюшке» на незначительные [10, с. 178], подобные выделенным Ю. Константиновым детали и события, а М. Никитин — на однолинейность и замедленность действия, в котором нет «сюжетных узлов» [17, с. 24]. На «событийную вялость» [3, с. 275] в романах Задорнова обращает внимание И. Кондаков.

Причиной недостаточной проработки образов и композиционной «рыхлости» Н. Рогаль считает неопытность молодого Задорнова в отборе материала [18, с. 187] из доступного ему массива информации. Так, чувствуя потребность отобразить как можно больше накопленных сведений, Задорнов сполна насыщал ими свои произведения, даже если это вредило не только динамике развития образов и сюжета, но и авторскому замыслу.

Некоторыми критиками отмечаются недостатки и в языке произведений Задорнова. В повести «Мангму» И. Машуков выделяет две стилевые крайности: сперва Николай Павлович использует «длинные периоды, старинные обороты» [2, с. 2], а «большое количество "возвышенных" прилагательных [...] [в его произведении. — Р. В.] усиливает ощущение спокойного течения» [2, с. 2], но уже через несколько страниц мы видим телеграфный стиль, т. е. для произведения не характерно единство стиля. В романе «К океану» язык «засорён неточными, случайными словами» [5, с. 252], «сказывается и бедность словаря» [5, с. 252], когда автор, не подбирая синонимов и синонимичных конструкций, многократно употребляет одно и то же слово или словосочетание, встречаются плеоназмы.

По утверждению Б. Сарнова, читателя утомляют стоящие чуть ли не после каждой

реплики героев авторские ремарки с производными наречиями [\[14, с. 31\]](#), которые замедляют динамику.

Одно из неумелых средств инсценировки достоверного источника: введение деепричастий в отступления [\[11, с. 187\]](#) — отмечает В. Александров в связи с разбором образа Невельского.

Уже упомянутый Л. Рублёв выделяет в романе «Амур-батюшка» следующие несуразные словосочетания: «лёгкие скулы» [\[19, с. 55\]](#), «вкусом выдаёт» [\[19, с. 78\]](#), «схватит как пенёк» [\[19, с. 216\]](#) и др., утверждая, что книга написана «не русским литературным языком, а местным сибирским диалектом или ломаным русско-китайским жаргоном» [\[10, с. 180\]](#). Он называет роман иностранным, т. к. в нём не представлены пояснения к словам «бошхо», «дава», «гъясса» и т. д. [\[10, с. 180\]](#) На этот же недочёт указывает С. Антонов при разборе повести «Могусюмка и Гурьяныч»: многим читателям неизвестны башкирские слова «намазлык», «сарыки», «кунган» и пр. [\[20, с. 2\]](#) Вследствие того, что в книгах нет пояснений к таким словам, читатель должен напрягаться там, где непосредственно развитием сюжета напряжение не предусмотрено.

Однако, несмотря на вышеприведённые цитаты, произведения Задорнова многими оценивались положительно. Отрицательные оценки были приведены с двумя целями: во-первых, для того, чтобы объективно, со всех сторон рассмотреть репутационный портрет Задорнова-писателя, во-вторых, для того, чтобы воспринять эмоциональный опыт человека, впервые читающего про автора в Википедии, где представлена одна из самых объёмных статей о нём в сети Интернет, в которой приведены слова критиков с преимущественно негативной окраской [\[21\]](#). Это воздействует на формирование образа писателя в сознании человека, следствием чего может стать решение об отказе от прочтения его произведений.

Задорнов прекрасно знал человеческую психологию. Неоднократно критиками (в том числе вышеназванными) подчёркивается умение автора изображать коллективные портреты: крестьян-переселенцев, тяжёлым трудом, несмотря на все невзгоды и потери осваивавших Дальний Восток [\[17, с. 24\]](#), команды судна «Байкал», вопреки голоду, невыносимым условиям, чувству близости смерти, доказавшей, что устье Амура судоходно и что Сахалин — остров, а не полуостров, как считалось до этого, команды фрегата «Диана» под руководством Путятина, которая, наперекор козням японских чиновников и в отличие от пыщущих пренебрежением американцев, передала японским крестьянам и купцам свои знания в строительстве кораблей, убедила, что русский народ — дружелюбный, доброжелательный, бескорыстный [\[22, с. 265\]](#). Это согласуется с идеей Николая Павловича отобразить силу, достоинство, трудолюбие, внутреннюю свободу и геройзм русского народа, которые лежат в его единстве.

Такой подход позволяет автору довериться отдельным характерам, позволить им самим многосторонне раскрыться, при этом он знает, что они не подведут его. Так, образ Кузнецова в «Амуре-батюшке», «концентрирующий положительные свойства народного характера, не плакатен и не поднят на романтические ходули. Его жизненность и убедительность достигаются тем, что всей системой образов автор убеждает: Егор не исключение, а лишь наиболее полное воплощение качеств его спутников и товарищей» [\[23, с. 162\]](#).

При разработке внутреннего портрета Задорнов использует «принцип психологических

светотеней» [24, с. 38]. Автор показывает своего героя в резко контрастирующих эмоциональных проявлениях: вот он весел, на следующей странице — под воздействием обстоятельства или пейзажа — грустен и т. д. Такой принцип психологического раскрытия персонажа — «диалектику души» [25, с. 423] — мы обнаруживаем в лучших произведениях русской классики: например, в «Детстве», «Отрочестве», «Юности» Л. Н. Толстого.

Вообще, для произведений автора характерна контрастная манера изображения [26, с. 3]. Она заложена в противопоставление героев и / или второстепенных персонажей: Кузнецова и Бердышов («Амур-батюшка»), Невельской и Нессельроде (тетralогия о Невельском), — а вместе с тем в кажущемся и действительности, помыслах и делах [26, с. 3], что создаёт необходимое напряжение, придаёт динамику развития конфликтам.

Нередко личность героя изображается Задорновым «не в рамках сюжета и даже не в рамках событий, а в эпизодах, деталях, фактах повседневных дел» [27, с. 95], при этом создается впечатление, что у него нет частной жизни: он вовлечён «в среду не личных, а общественных связей, в которых работа, служба, долг, дело — всегда на первом месте» [27, с. 95]. Представления о семье, дружбе, любви, ненависти связаны с его мировоззрением и отношением к конкретному делу. Это Невельской, Невельская («один из самых привлекательных образов» [28, с. 270]), Муравьёв, Кузнецов, Бердышов, Удога, Чумбока, Шишкин, Спиридон...

И. Кудрова подчёркивает, что в романе «Капитан Невельской» многие образы очерчены «живо и интересно» [15, с. 209], с художественной убедительностью. Читатель верит таким героям, обнаруживая в них человеческие черты характера. Список этих образов уточняется рядом критиков следующими именами: Орлов, Фомин, Шестаков, Козлов [29, с. 32], Бошняк, Чихачёв, Питкен [27, с. 96], Завойко, Корсаков, Козьмин, Подобин [30, с. 167].

Мастерски выведенный образ Невельского и впервые художественно осмысленную его значимую роль в истории России подчёркивают в своих статьях Н. Еселеv [30, с. 166], М. Ильин [29, с. 32], А. Никульков [9, с. 61] и многие другие, М. Зорин — в монографии, отмечая близость мироощущений капитан-лейтенанта и советских людей, «духовную связь» [24, с. 104] исследователя Дальнего Востока и вспахивателей целины, покорителей Арктики [24, с. 87–88].

При этом Задорнов избежал идеализации исторических портретов Невельского [31, с. 3; 32, с. 5] и Муравьёва [23, с. 167], не обожествил этих личностей, отобразил их в соответствие с теми достоверными источниками, которые ему удалось изучить. В его творчестве вообще нет нарочитости, сознательности, преднамеренности. Это положительно отражается как на ценности его произведений, так и на его репутации.

Н. Замошkin обращает внимание в «Амуре-батюшке» на ряд «выпуклых» фигур: Кузнецова, Бердышова, Барабанова, бабку Дарью, Удогу и Чумбоку [33, с. 296], — указывая на их важную роль в реализации авторской идеи о формировавшемся тогда содружестве народов России, о доброжелательном интернационализме коренного русского народа, посредством чего Задорновым подчёркивается мысль о ненасильственном, в отличие от колонизаторской политики Запада, характере присоединения новых земель: народы сближались — территория российского влияния

расширялась [2, с. 2]. Отсюда и стремление писателя показать взаимоотношения переселенцев с представителями местных народов — между ними происходит своеобразный процесс взаимного обогащения опытом [33, с. 296], при этом Задорнов не идеализирует эти самые отношения, подчёркивая, что и среди русских встречались люди, принёсшие много несчастья местным племенам: те же купцы и чиновники [34, с. 130]. Эта же мысль: о ненасильственном (путём дружбы и взаимопомощи) присоединении земель — перекочевала в следующие произведения писателя.

Несмотря на то что героев и второстепенных персонажей (как имеющих исторические прототипы, так и вымышленных) в романах действительно много, все они наделены индивидуальными чертами, отвечающими как правде жизни, так и правде художественного вымысла [28, с. 267, 271], более того — каждый из них — «сама история» [2, с. 2], по причине чего «перенаселённость» ими только утверждает идею Задорнова о важности единства в историческом развитии.

На становление характеров оказывают влияние природные условия, в чём обнаруживается мастерское изображение Задорновым красот Дальнего Востока [24, с. 107–127]. Природа — один из героев его произведений, который взаимодействует с другими героями, вызывает у них радость или тоску, по ряду причин становится им другом или врагом, оказывает сопротивление действиям человека; это не красивый фон, а «постоянный спутник» [24, с. 108], неотделимый от жизни каждого лица. Нам не удалось найти ни единого отзыва, в котором критик сомневался бы в мастерстве Задорнова-художника. Точные и эстетически полноценные описания природы — одно из главных достоинств его прозы.

Композиционная «рыхлость» действительно свойственна произведениям Задорнова: это подчёркивал каждый современник автора, который хотя бы несколько слов уделял вопросу композиции. Однако в ряде критических откликов, а также в монографии А. Гвоздевой есть уточнение: эта проблема касается «ранних» произведений Николая Павловича; начиная с романа «К океану» она обретает строгость, чёткость, стройность [5, с. 251; 22, с. 107], соответствующую динамику [32, с. 5].

Язык произведений Задорнова «великолепный» [32, с. 5], «богат и точен, идёт в традиции русской классической литературы» [35, с. 131], «отличается эпической объективностью» [31, с. 3]. Задорнов обладал «умением проникнуть в дух времени, не прибегая к помощи изощрённых литературных приёмов» [31, с. 3]. «Богатыми и выразительными языковыми средствами написан "Амур-батюшка". В нём много подлинно народных, сверкающих поэтическим блеском, строк и выражений, метких деталей...» [30, с. 165] — пишет Н. Есев. Писатель стоял на позициях реализма — для него важно было не только, опираясь на русскую литературную традицию, написать произведение языком, отличающимся высоким уровнем художественности и образности, но и передать в диалогах лексические особенности говора того или иного народа, «типическое в каждом говоре» [34, с. 137].

Почти все современники писателя отмечают историческую достоверность, правдоподобность его произведений: И. Машуков [34, с. 135], Г. Гор [6, с. 181], А. Степанов [12, с. 3], Н. Есев [28, с. 265–272], Н. Хоменко [23, с. 161–169] и другие, — которая лежит не только в презентации сведений, содержащихся в архивных документах, но и в

обильной этнографии; этнографический материал был почерпнут автором из окружающей его действительности: из разговоров с представителями местных народностей и наблюдения за их жизнью. Тот же подход был использован Задорновым при исследовании жизни японских крестьян второй половины XIX века: несмотря на то что им был получен доступ в Национальную парламентскую библиотеку, он узнавал о своеобразии быта, обычаях, представлений о мире тех, кто в 1855 году бок о бок с русскими матросами строил шхуну «Хэда», именно в ходе общения с их потомками. В связи со всем этим критиками выделяются бытовые зарисовки писателя [\[6, с. 181; 20, с. 2\]](#), отображающие в том числе психологические портреты персонажей.

Николаю Павловичу, как бы не считали некоторые критики, удавалось не «утонуть» в детализации, обойти опасность «перегрузки» произведения содержательно-фактуальной информацией этнографического характера и «излишне натуралистической передачей местных говоров» [\[34, с. 137\]](#), основное внимание уделяя человеку как главному действующему лицу исторического процесса и ведущим идеям, подчёркивающим это: «Рассматривая многомерность жизни, самые разные её события и житейские эпизоды [...] он создаёт [...] монументальное полотно жизни, в котором человек всегда [...] главное действующее лицо [...] не событие возвеличивает человека, а человек вершит на земле прекрасные [...] дела» [\[27, с. 97\]](#). Учитывая это, мы понимаем, что обилие деталей и персоналий в творчестве писателя — необходимость как творческая, так и идейная.

Задорнову-прозаику присуще «не простое нанизывание фактов, а воссоздание самой сущности исторических событий» [\[14, с. 3\]](#). Материал «нигде не выступает в сухом педантичном виде» [\[6, с. 181\]](#). Тут современники приводят в пример «петербургские» эпизоды тетralогии о Невельском [Зорин: 125–126]. Порой Задорнов прибегает к домыслу, который, однако, не фальшив, органичен, т. е. не идёт в ущерб обязательной для исторического романа документальности [\[11, с. 186\]](#).

Отсюда — из всего вышеперечисленного — художественная и документальная панорамность произведений Задорнова, эпичность повествования [\[22, с. 30; 24, с. 25–28\]](#).

Резюмируя вышенаписанное, стоит отметить следующее. Главное, что обозначают Н. Еселеv [\[28, с. 265–272\]](#), Н. Рогаль [\[35, с. 129–131\]](#), В. Сухнев [\[36, с. 137–145\]](#), А. Гвоздева [\[22, с. 31–40\]](#), М. Зорин [\[24, с. 156\]](#): местами композиционная «рыхлость», огромное количество якобы ни на что не влияющих персонажей и деталей, диалоги, будто бы выполняющие только служебную роль — всё это отвечает творческой и идеологической задачам автора. Несомненной ценностью для Николая Павловича была правда: он как бы переносил историческую действительность на бумагу, обогащая её домыслом, отвечающим этой самой действительности. Задорнов ставил перед собой целью не удивить читателя, допустим, динамичным сюжетом, а понять первопричины и нащупать связи событий в истории России. В ряде же случаев, как мы выяснили, претензии современников и вовсе безосновательны.

С 1970-х годов внимание критики к писателю стало значительно ослабевать, несмотря на то что он обладал широкой известностью и всеобщим признанием: всё так же активно переиздавались «Амур-батюшка» и «Капитан Невельской», новые романы «Цунами» (1972), «Симода» (1975) и «Хэда» (1979) выходили тиражами в сотни тысяч экземпляров, два последних впервые были напечатаны в одном из ведущих журналов Союза — «Новом мире», все три были переведены на японский язык и радушно встречены тамошней читательской публикой, проводились многочисленные интервью, продолжалось

сотрудничество с «Литературной газетой»... В разделе газет и журналов «Критика и библиография» публиковались статьи, но большая их часть — обо всём том, что автор написал до семидесятых. Известно лишь несколько отзывов — именно что отзывов — тех лет на романы «Саги о русских аргонавтах» (в дополнение к «японским» — «Гонконг» (1982), «Владычица морей» (1988), «Ветер плодородия» (1992) и незавершённый «Владивосток»). Все они — крайне положительные, наделённые литературоведческим компонентом, без подчёркивания хотя бы одного недочёта, несущие следующую главную мысль: эти романы — пожалуй, лучшее, что написал Задорнов, они по своим достоинствам, литературно-художественной ценности и своевременности стоят в одном ряду с великими произведениями русской классики [\[37, с. 10–11; 38, с. 4; 39, с. 5\]](#).

Вероятно, из-за того, что таких отзывов незначительное количество, они оказались почти незамеченными. Стоит добавить и то, что в 1980–1990-е годы стали реже переиздаваться произведения Задорнова, его имя почти не появлялось в печати, что указывает на упавший интерес к творчеству писателя и его личности. Он и сам ввиду возраста неактивно публиковался и давал интервью. Все внушительные исследования его творчества (монография М. Зорина 1960-го, кандидатская диссертация И. Печенкина 1975-го, монография А. Гвоздевой 1984-го, четвёртая глава докторской диссертации С. Крившенко 1991-го) были написаны до раз渲ла Советского Союза, с тех пор — ни единого научного труда, за исключением нескольких статей. Несмотря на это, данные свидетельствуют об активизировавшемся с середины 2000-х годов переиздании его произведений, в частности этим занимаются «АСТ», «Эксмо», «Вече» и «Азбука».

Соответственно, на негативное восприятие творчества Задорнова вполне может влиять то, что критикой в основном рассматривались произведения, написанные до 1970-х годов, когда писатель, по мнению А. Гвоздевой, только формировался как великий романист [\[22, с. 16–17, 36–41\]](#). Более того — в Википедии отобраны цитаты, представляющие произведения писателя только с отрицательной позиции; при отборе, за исключением пары случаев, не учитывались положительные отклики современников. Что же касается конкретно И. Кондакова, в силу своего мировоззрения он не мог не отобразить главным образом негативные мнения насчёт творчества автора: его явно задевала цель Задорнова, жившего в эпоху, по словам литературоведа, «позднего сталинизма» [\[3, с. 275\]](#), изобразить в романах о покорении Дальнего Востока прорастание в сознании крестьянства идей, присущих социалистическому обществу; это отвечало замыслу писателя показать преемственность поколений, раскрыть русскую душу, свободную, трудолюбивую, сильную.

Николай Павлович Задорнов, как бы намеренно или ненамеренно не пытались очернить его фигуру, отличался поразительной наблюдательностью. Его таланту были подвластны как передача особенностей быта, так и живописание природных красот, проработка как внешнего, так и внутреннего портрета каждого героя и персонажа, как следование конкретным историческим фактам, так и «живой», соответствующий эпохе и характерам вымысел... С написанием каждого нового романа росло и его мастерство, обогащался опыт. В Википедии внимание обращено скорее к недочётам «ранних» произведений Задорнова. Но ведь любой человек, в том числе пишущий, на протяжении всей жизни совершенствуется, крепнет. Своим литературным трудом Задорнов доказал это. Свойственна этим цитатам и предвзятость, которой нет места в добросовестном исследовании.

Библиография

1. Степанов А. Начало большого романа // Тихоокеанская звезда. 1949. 11 сентября. С. 3.
2. Машуков И. «Мангму» // Тихоокеанская звезда. 1946. 28 июля. С. 2.
3. Кондаков И. В. Задорнов, Николай Павлович // Русские писатели XX века: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П. А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 275–276.
4. Егоров И. Страницы героического прошлого // Советская Латвия. 1952. 22 марта. С. 2.
5. Ильичёва С. Роман о Невельском // Новый мир. 1950. № 7. С. 249–253.
6. Гор Г. Живая история // Звезда. 1951. № 1. С. 180–182.
7. Галанов Б. Роман о Невельском // Огонёк. 1950. № 5. С. 24.
8. Задорнов Н. П. Первое открытие. М.: Вече, 2022. 384 с. (Сер.: Сибириада. Собрание сочинений).
9. Никульков А. Капитан Невельской и многие другие // Литературная газета. 1972. 19 января. С. 6.
10. Рублёв Л. Д. Романенко. «Ерофей Хабаров». М., «Советский писатель», 1946. Николай Задорнов. «Амур-Батюшка». М., «Советский писатель», 1946 / Л. Рублёв // Знамя. 1947. № 2. С. 175–180.
11. Александров В. Встреча на Амуре // Знамя. 1950. № 2. С. 184–187.
12. Степанов А. Эпопея Приамурья // Тихоокеанская звезда. 1957. 26 марта. С. 3.
13. Степанов А. Новое издание романа Н. Задорнова // Дальний Восток. 1951. № 5. С. 125–126.
14. Сарнов Б. Непроторенным путём // Литературная газета. 1949. 10 декабря. С. 3.
15. Кудрова И. Н. Задорнов. Капитан Невельской. Роман. Кн. I и кн. II. Изд-во «Советский писатель», М., 1959 // Звезда. 1959. № 12. С. 209–210.
16. Константинов Ю. Беды описательства // Новый мир. 1959. № 10. С. 227–234.
17. Никитин М. Роман о землепроходцах // Огонёк. 1946. № 38–39. С. 24.
18. Рогаль Н. М. Исторические романы Н. Задорнова // Дальний Восток. 1946. № 1–2. С. 177–187.
19. Задорнов Н. П. Амур-батюшка. М.: Сов. писатель, 1946. 276 с.
20. Антонов С. Книга о дружбе братских народов // Советская Латвия. 1958. 27 апреля. С. 2.
21. Задорнов, Николай Павлович [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Задорнов,_Николай_Павлович#Литературная_деятельность. (дата обращения: 17.09.2024).
22. Гвоздева А. Колокола истории. М.: Сов. писатель, 1984. 286 с.
23. Хоменко Н. И. Исторические романы Н. Задорнова // Сибирские огни. 1971. № 3. С. 161–169.
24. Зорин М. И. Дороги истории. Рига: Латгосиздат, 1960. 164 с.
25. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Художественная литература, 1947. Том 3. 886 с.
26. Одинцова З. Патриотический подвиг Капитана Невельского // Советская Латвия. 1959. 11 марта. С. 3.
27. Яссон Т. Прошлое, открывшее будущее // Даугава. 1981. № 1. С. 92–98.
28. Есевлев Н. Х. О крае далёком, но нашенском // Дружба народов. 1964. № 9. С. 265–272.
29. Ильин М. Первопроходцы // Советский воин. 1975. № 5. С. 32.
30. Есевлев Н. Х. Творчество Николая Задорнова // Дальний Восток. 1959. № 6. С. 162–168.
31. Роднянская И. Новыми путями // Литературная газета. 1957. 26 ноября. С. 3.
32. Сухнев В. Большое малое плавание // Литературная газета. 1983. 18 мая. С. 5.

33. Замошkin Н. Русские землепроходцы // Новый мир. 1946. № 12. С. 295–297.
34. Машуков И. Эпопея Амура // Дальний Восток. 1950. № 2. С. 129–137.
35. Рогаль Н. М. Мастер исторического романа // Дальний Восток. 1969. № 12. С. 129–131.
36. Сухнев В. Свет на краю света // Дальний Восток. 1989. № 11. С. 137–145.
37. Проскурин П. Неумирающее эхо истории // Литературная Россия. 1975. 17 октября. С. 10–11.
38. Крившенко С. Ф. Право на память // Литературная газета. 1976. 4 февраля. С. 4.
39. Новикова О. Труд и постоянство // Литературная газета. 1979. 31 октября. С. 5.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Проблема литературной репутации Н. П. Задорнова», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам изучения творчества Николая Павловича Задорнова, русского советского писателя, сценариста; заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР. Данная работа является попыткой рассмотреть творчество писателя минувшей эпохи, отношения к которой неоднозначно в умах наших современников, особенно в ряде бывших республик Советского Союза. Также важно отметить, что в большинстве имеющихся научных статей по творчеству писателя фиксируется слабое внимание писателя к раскрытию образа персонажей, что является не совсем точным, если углубиться в творчество писателя.

В качестве материала для исследования репутации писателя автор обратился ко ряду литературно-критических статей, рецензий и отзывов его современников.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы литературоведения. Основными методами явились культурно-исторический, культурно-социальный и нарративный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скучно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Кроме того, заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Собственно говоря, заключение в научном понимании в рассматриваемой статье отсутствует. Библиография статьи насчитывает 39 источников, среди которых теоретические работы представлены на русском языке. К сожалению, отсутствует апелляция к трудам зарубежных исследователей, а также автор игнорирует научные труды, такие как диссертации и монографии в своем исследовании.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях в области русской литературы. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Проблема литературной репутации Н. П. Задорнова» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.